

В
Е
С
Т
Н
И
К

ISSN 2072-5833

УНИВЕРСИТЕТА
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ
ОБРАЗОВАНИЯ

1 • 2014

ISSN 2072-5833

ВЕСТНИК
УНИВЕРСИТЕТА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
ОБРАЗОВАНИЯ

№1 (69) Основан в 1996 году 2014

**Журнал включен
Высшей аттестационной комиссией
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой
степени доктора и кандидата наук**

МОСКВА

ISSN 2072-5833

HERALD
OF THE UNIVERSITY
OF THE RUSSIAN
ACADEMY OF EDUCATION

№ 1 (69) Established in 1996 2014

**The magazine is inscribed
by the Higher Certifying Commission
on index of leading reviewing
scientific periodicals for publications
of main dissertation research results
for competition of academic degree
of Doctor and Candidate of Science**

MOSCOW

Содержание

Вступительное слово	8
Этюды о поэзии: «И сосна до звезды достаёт...» (И. Мандельштам)	
Ливри А. Мандельштам в пещере Заратустры.....	9
Тетерина Е.Н. Организация эпического времени в поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай».....	21
Хадынская А.А. Метаморфозы Экфрасиса в сборнике Г. Иванова «Дневник».....	27
Степанян С.А. Попытка анализа одного стихотворения Пауля Целана.....	35
Проза на рубеже веков: «На перепутье, на развилке» (И. Бродский)	
Гаврикова И. Смерть как искупление и смерть как возрождение в малой прозе В. Сологуба и А. Белого.....	40
Головина О.Ю. Фёдор «Навич» Сологуб и его причудливая хореография «Плясок смерти» в романе «Творимая легенда».....	49
Guerra R. Sauver Nabokov: la thèse de doctorat d'Anatoly Livry.....	53
Герра Р. Спасти Набокова.....	54
Карлина Н.Н. Два сентименталиста: В. Шкловский и В. Аксёнов.....	55
Строганова И.А. Проза М. Осоргина: подходы к изучению.....	60
Проблемы поэтики романа	
Фролов Г.А. Неоклассическая модель мира в современном западном романе.....	66
Аракелян А. Музыка и немецкий роман первой половины XX века (Т. Манн, Г. Гессе, Ф. Верфель).....	72
Булычева С.Н. Роман Харпер Ли «Убить пересмешника»: актуальность изучения.....	77
Литвиненко Н.А. Векторы времени в романе Робера Мерля «Мальвиль».....	81
Шарафутдинова К.Р. Портретная деталь в экспозиции и кульминации романа «Собственник» Д. Голсуорси.....	87
Герасимова (Голова) С.В. Шестоднев от Достоевского.....	91
Чик Д.Ч. Архетип мудрого старика в украинском и английском романе воспитания первой половины XIX в.....	102
Проблемы популярной и массовой литературы: неволя и величие?	
Потничева Т.Н. Фактор дескрипции: от портрета к видеоинсталляции (современные импровизации на тему «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда).....	112
Разумовская О.В. Ремейки романа Мэри Шелли «Франкенштейн» в англоязычной прозе последних десятилетий.....	119

Аб
лит
Гал
обл
Ше
пут

Пр
Сор
зару
Кос
обра
Пот
лите

Анн
Нап

МАНДЕЛЬШТАМ В ПЕЩЕРЕ ЗАРАТУСТРЫ

Ливри А.

«... преступник оказывается прежде всего
“отступником”...»
(Ф. Ницше. К генеалогии морали)

Как охарактеризовать Мандельштама? Был ли он русским поэтом? Литератором, выражавшим своё «еврейство» на русском языке? Но, главное, не сделали ли убитого Мандельштама пошлым заложником продавцов, в разнос и с кафедр, «доктрины экстерминационизма», с выгодой использовавших иудейские корни жертвы социалистической тирании для низведения *ad hitlerum* недругов эпохи холодной войны? А следовательно, не пришло ли время, наконец, показать истинного Мандельштама — наследника религиозной традиции, с *Ветхим Заветом* не имеющей абсолютно ничего общего? Ведь если проблематика мандельштамовского творчества мною подмечена правильно, то и насилие поэта над *полисом*, верно расцененное последним как «преступное», и созидательно-социальный акмеизм, слывший за «маргинальность», и растерянность непосвящённых перед слогом Мандельштама, являются итогом воспитания Фридриха Ницше, вдохновившего своего ученика на тотальное воспроизведение по-русски — в жизни и на листе — «дифирамба одиночеству» [1], «Так говорил Заратустра», этого экстатическо-философского диалога с Дионисом, ницшевским наставником: «— *ich, der letzte Jünger des Philosophen Dionysos...*» [2]. Более того, полная «идеализма» (если воспользоваться магической терминологией одного из европейских вождей прошлого столетия) высокая сопротивляемость Мандельштама социализму — детищу христианства, этого наиболее презираемого Фридрихом Ницше отпрыска сократизма, уничтожающего бесценную индо-европейскую цивилизацию [3], — а именно мандельштамовская способность квази безостановочной генерации русскоязычной ритмики «против <вibrации> своего времени», также окажется завещанной Фридрихом Ницше, метаморфозировавшим, значит, этого отпрыска «просвещённого гетто», где Германия издавна преобладала над Израилем («По существу, отец переносил меня в совершенно чужой век и отдалённую обстановку, но никак не еврейскую. Если хотите, это был чистейший восемнадцатый, или даже семнадцатый век просвещённого гетто где-нибудь в Гамбурге» [4, с. 67.]), в современного неоязычника, постепенно взошедшего по иерархической лестнице вакхического жречества. Эта воплощённая модернизация дионисизма на руинах иудее-христианства, называемая «русский поэт Мандельштам», не могла не начать своего формирования демиургическо-ницшевским актом лепки «Высшего Человека» [5], а также призывом к Сверхчеловеку. Разбором концовки «Так говорил Заратустра», как *Big Bang*'а всей творческой жизни Мандельштама, я завершу сей краткий труд.

Пятилетнего Мандельштама вывозят из Царства Польского [6] в Петербург, запуская тем самым процесс изящнейшей этно-религиозной метаморфозы. И когда придёт время автобиографии, поэт установит чёткие генеалогические границы про-

никновения русского λόγος'а в свою кровь: если отец только высвобождался от гнёта иудейства — частичный катарсис, ставший возможным лишь благодаря омовению в океане германской культуры («...отец пробивался самоучкой в германский мир из талмудических дебрей» [4, с. 58]), — то мать русифицировала дух Мандельштама: «Ещё выше стояли материнские русские книги — Пушкин в издании Исакова — семьдесят шестого года» [4, с. 58] — русский Гомер — Пушкин — господствует над мандельштамовской библиотекой, требует от будущего стихотворца филологическо-миметического акмеизма. Дремучий лес ветхозаветья постепенно, и благодаря Германии, сменился русским космосом: демарш, для которого необходимы отступнические усилия нескольких, «голубоглазых», узнаем мы впоследствии [4, с. 69], поколений — порыв исключительно лингвистический, где нет места догмам какого бы то ни было монотеизма. А слово евреев и слово ариев (чуемых Мандельштамом на нюх: «Разве я мог не заметить, что в настоящих еврейских домах пахнет иначе, чем в арийских» [4, с. 56]) разделены физически, с кастовой жестокостью, не допускающей ни метисации, ни даже осквернения банальным контактом: «Эта странная маленькая библиотека, как геологическое напластование, не случайно отлагалась десятки лет. Отцовское и материнское в ней не смешивалось, а существовало розно...» [4, с. 57]. Следуя альпинистскому усилию, направленному ввысь, Мандельштам инстинктивно модернизирует свой этнический λόγος, моделируя собственную генеалогию создателя, действуя подобно описанным Фридрихом Ницше древним эллинам, излечившимся от «...хаотическо^ого» (sic) нагромождени^е чужеземных, семитических, вавилонских, лидийских, египетских форм и понятий...» [7, с. 229]. — да, здесь мне показался предпочтительней не подлинник ницшевского труда, а именно московский перевод «О Пользе и вреде истории для жизни», появившийся в 1909, откуда Мандельштам и позаимствовал название подглавки своей автобиографии, «Хаос иудейский». И Мандельштам не мог поступить по-другому. Ведь его учитель Ницше выделяет этот «хаос» курсивом, заявляя о *космической орнаментации* греками, излечившимися от семитизма, своей нации: «Греки постепенно научились *организовывать хаос*» (курсив Ницше) [7, с. 229]. Мандельштам стал самим собой, чётко следуя воспитательным советам Ницше: «Вот символ для каждого из нас: он должен организовать в себе хаос (sic) путём обдуманного возвращения к своим истинным потребностям» [7, с. 230], — пост-пиндаровская импровизация формулы вечного возвращения, накрепко вклинившаяся в сознание Ницше и излившаяся через уста Заратустры; процитирую её в подлиннике: «...man muss noch Chaos in sich haben, um einen tanzenden Stern gebären zu können» [8, S. 19], этому аполлоническому шагу на пути к вакхической русскоязычной поэзии, к её пляшущему дифирамб стилю, Мандельштам научается у трагического танцмейстера Ницше («Mein Stil ist ein Tanz» [9, S. 479]) и, более того, означает «Хаосом иудейским» для чуткого читателя грядущего свою восприимчивость к ницшевской педагогике, невозможной без органического отторжения иудейской письменности: «Нижнюю полку я помню всегда хаотической: книги не стояли корешок к корешку, а лежали, как руины: рыжие пятнадцатикнижия с оборванными переплетами, русская история евреев, написанная неуклюжим и робким языком говорящего по-русски талмудиста. Это был повергнутый в пыль хаос иудейский» [4, с. 57], — так зло высмеивает Мандельштам дебри Иеговы,

откуда он вы
мованным н
«Мать люби
обиходом в
русских зву
кого фронта
и Нонна, чь
Когда же ев
дельштама-р
вмешательст
платок, нак
из незнаком
рительно го
мать» [4, с.
освобождая
на то, что жи
повсеместн
учёных, у ко
политкорре
моменты ма
Ребёнок
тической ст
доселе герм
дельштам вл
завезённое
представит
впоследствии
Тенишева [7
будущий па
с ницшеанс
персонажей
Заратустры
ство самог
психическо
никам, о св
in Kopenhag
Europa's Fla
Белый, I
читателей н
собратьев п
Всё это Ни
щего добро
добра и зла

откуда он выбрался навстречу стройному эллинскому полису, к его дионисиям, рифмованным на русский манер вакхическими гормонами, всосанными с молоком матери: «Мать любила говорить и радовалась корню и звуку приbedненной интеллигентским обиходом великорусской речи. Не первая ли в роду дорвалась она до чистых и ясных русских звуков?» [4, с. 66] Да, именно «дорвалась» — подлинный прорыв атавистического фронта — успешная военная тактика дионисических баталий Арриана, Лукиана и Нонна, чьи плоды пожинает преемник словесных завоеваний Осип Мандельштам. Когда же еврейство предков становится агрессивным, фонетически напирает на Мандельштама-ребёнка, то и тогда спасение приходит благодаря мифическому материнскому вмешательству: «Вдруг дедушка вытащил из ящика комода чёрно-жёлтый шёлковый платок, накинул мне его на плечи и заставил повторять за собой слова, составленные из незнакомых шумов, но, недовольный моим лепетом, рассердился, закачал неодобрительно головой. Мне стало душно и страшно. Не помню, как на выручку подоспела мать» [4, с. 69], — русский λόγος вступает в открытую конфронтацию с еврейским, освобождая Мандельштама от купола чёрно-жёлтого иудейского хаоса. Посетуете же на то, что желание Мандельштама пособить исследователям собственного творчества повсеместным использованием ницшевских терминов доселе не нашло отклика в рядах учёных, у коих незнание наследия Ницше подчас сочетается со столбняком ужаса перед политкорректным терроризмом, налагающим запрет на, как оказалось, главенствующие моменты мандельштамоведения [10].

Ребёнком очутившись в чрезвычайно, даже излишне для её жизнестойкости, эклектической столице империи, рушащейся под напором александрийской культуры, коему доселе германизированная элита оказалась не в силах психически противостоять, Мандельштам впитывает — вместе с русским λόγος'ом — незадолго до того вагнерианцами завезённое в Петербург ницшеанство, чуждое, шокирующее, запретное. Несколько представителей вымирающего дворянства становятся русскими корреспондентами, впоследствии первыми издателями per il loro diletto Ницше в России: Анна Дмитриевна Тенишева [11, S. 452], князь Урусов [11, S. 456, 470, 487, 506, 514], а Мережковский, будущий парижский поклонник Гитлера, публикует между 1895 и 1904 гг. трилогию с ницшеанским названием «Христос и Антихрист», начинающуюся жизнеописанием персонажей, восхищавших Ницше. Петербург готов стать детской комнатой — пещерой Заратустры [12] — грядущего ницшеанца Осипа Мандельштама, — да и свидетельство самого Ницше немаловажно: воспользовавшись последними неделями своего психического здоровья, философ печатно объявляет, в пику бывшим соотечественникам, о своём признании на берегах Невы: «In Wien, in St. Petersburg, in Stockholm, in Kopenhagen, in Paris und New York — überall bin ich entdeckt: ich bin es n i c h t in Europa's Flachland Deutschland...» [13].

Белый, Шестов, Иванов, Соловьёв популяризируют Ницше среди русскоязычных читателей наравне со Львом Толстым, находившим в «иммориализме» персонажей, собратьев по перу, звериное влияние антихриста: «Читал «Даму с собачкой» Чехова. Всё это Ничше. Люди, не выработавшие в себе ясного мирозерцания, разделяющего добро и зло. Прежде робели, искали: теперь же, думая, что они по ту сторону добра и зла, остаются по сю сторону, т. е. почти животные» [14, с. 9]. Органически

отказываясь принимать, а следовательно, и понимать ницшевские труды, видя сквозь блеклое стекло ангажированного православия в германском язычнике жупел, граф, однако, также содействует формированию ницшеанского отрочества Мандельштама. Проходит ещё несколько лет и — ницшевский мир тесен! — Мандельштам оказывается в известном «модернистском училище», основанном князем Тенишевым, чьей первой супругой была выше упомянутая издательница русского «Der Fall Wagner». Именно под крылом Владимира Гиппиуса — «умнейшего В.В. Г.» [4, с. 86] — в этом мире, завсегдаемыми коего являются отпрыски великорусской аристократии, Мандельштам приучается к соседству арийских тел, дрессирует себя на новый, ненавистный его предкам манер, привыкает к «сатанинскому» для штетла чтению: наравне с другими будущими литераторами-ницшеанцами [15] он знакомится с прозаическими вульгаризаторами Ницше, вроде Лондона («“I mean”, said Pnin, “a celebrated work by the celebrated American writer Jack London.” “London, London, London”, said the woman, holding her temples. Pipe in hand, her husband, a Mr. Tweed, who wrote topical poetry, came to the rescue. After some search he brought from the dusty depths of his not very prosperous store an old edition of *The Son of the Wolf*. “I’m afraid”, he said, that’s all we have by this author.” “Strange!”, said Pnin. “The vicissitudes of celebrity! In Russia, I remember, everybody — little children, fullgrown people, doctors, advocates — everybody read and reread him. This is not his best book but O. K., O. K., I will take it.”» [16]), с тем, чтобы после превзойти его полезное для детей, однако базовое видение Ницше: «Идеология Джека Лондона поражает своим убожеством и своей старомодностью, с европейской точки зрения: весьма последовательный и хорошо усвоенный дарвинизм, к сожалению, прикрашенный дешёвым и дурно понятым ницшеанством, — он выдаёт за мудрость самой природы и непоколебимый закон жизни» [17, с. 190]. Джек Лондон для Мандельштама не более чем «фельетонист» [17, с. 189], — Мандельштам не может отказать себе в удовольствии воспользоваться термином «Человеческого, слишком человеческого» своего наставника для выражения презрения к «шуту-фельетонисту» («Der ganze moderne Litteratenstand steht aber den Feuilletonisten seht nahe, es sind die “Narren der modernen Cultur”...» [18, S. 165]), — американец чрезмерно прост для доброго европейца, коим стал в 1913 году Мандельштам; да и переложенный на русский язык в издательстве «Прометей» Лондон так же остаётся закованным в «фельетонные», повторяет ницшеанец Мандельштам, рамки, — взявши у Ницше всё, Лондон не выучился танцевать стилем: «Перевод, который очень бранили в прессе, сделан хорошим фельетонным языком; другого перевода Лондон, бесконечно равнодушный к задачам стилия, не заслуживает» [17, с. 190]. Однако преобразовавшийся благодаря Ницше Мандельштам стал подлинным расистом, он чувствует, как происхождение Лондона впрыскивает в журнальное ницшеанство англо-сакса чарующий элемент расы созидателей, экстагическую частицу, унаследованную, несмотря на слабость литературского дара отдельно взятой особи, от странствий «кельтского Вакха» — Вотана: «На примере Лондона можно видеть, чего может достигнуть художественно бесплодный и духовно весьма скудный писатель, если он находится в добром согласии с инстинктами и заповедями своей расы» [17, с. 189], — судит свысока утончённый ницшеанец Мандельштам, подразумевая, следовательно, существование высших творческих рас, а также низших

рас, и используя нынче на Западе: пришло к Манде.

За несколько правляется на, ест «Als Artist hat ma частиться, конечи французском — [19] — к таинств нец, цепи Хаоса - давно мечтал скри («... хаос иудейс: мир, откуда я выш бежал.» [4, с. 55] Экстарху. Подобре реть Бога («... so Weg gelaufen, vor Geringerer nämlich дионисический э в старофранцузс сиречь в нескольк в своём, не «осов трагическую арх нятия организма Notre Dame есть г отступническом бездану, разделяю ступной диалекти в просветлённые кастового общест го нам потому, чт с. 180]. А собор па и Мандельштаму ское сверхтело, со застывший физис «чудовищный» о ращённым в хрис превратившая Ма его к единственн мент с острова С чудовищные рёбр прекрасное созда восстаёт в рифме.

рас, и используя термины своего учителя, за которые он, да и Ницше, оказались бы нынче на Западе за решёткой. Но какими же путями нюансированное видение Ницше пришло к Мандельштаму?

За несколько лет до поступления в Петербургский университет Мандельштам направляется на, естественно Фридрихом Ницше означенную, родину артистов, в Париж: «*Als Artist hat man keine Heimat in Europa ausser in Paris...*» [13, S. 244], — дабы причаститься, конечно, не в республиканской столице, а в Лютеции, говорящей на старофранцузском — ибо Ницше учил о превосходстве лишь той, средневековой Франции [19] — к таинствам обретенного Диониса. Парижанин Мандельштам разбивает, наконец, цепи Хаоса — предсмертного зевка ненавистного Иеговы, — от которого он так давно мечтал скрыться на родину трагического мифа, в свой кровный, вековечный дом («... хаос иудейства, не родина, не дом, не очаг, а именно хаос, незнакомый утробный мир, откуда я вышел, которого я боялся, о котором смутно догадывался и бежал, всегда бежал.» [4, с. 55]), и отныне каждый поступок Мандельштама направлен на служение Экстарху. Подобно любому вакханту, вроде Ницше, многократно удостоенному лицемереть Бога («... so sind auch mir manche seltsame und nicht ungefährliche Geister über den Weg gelaufen, vor Allem aber der, von dem ich eben sprach, und dieser immer wieder, kein Geringerer nämlich, als der Gott *Dionysos...*» [20, S. 237–238]), Мандельштам переживает дионисический энтузиазм, приучается видеть Париж глазами Диониса, и, погружаясь в старофранцузский язык, проживая против университета, 12, rue de la Sorbonne, сиречь в нескольких стах метрах от Собора Парижской богородицы, он созерцает в своём, не «осовремененном», но модернизированном средневековье, возрожденную трагическую архитектуру: «То, что в XIII [веке] казалось логическим развитием понятия организма — готический собор, — ныне эстетически действует как чудовищное: *Notre Dame* есть праздник физиологии, её дионисийский разгул» [21, с. 179]. В своём отступническом от иудее-христианства рывке Мандельштам ощущает, обозревая её, бездну, разделяющую сократическое человечество от ещё «не образумленных» вседоступной диалектикой предков. Неимоверно счастливый случай перенёс Мандельштама в просветлённые средние века Запады, снова воздвигнувшие подобие индо-арийского кастового общества — антиэгалитаристскую парадейзу поэтов: «Средневековье дорого нам потому, что обладало в высокой степени чувством граней и перегоронок» [21, с. 180]. А собор парижской Деметры в глазах Мандельштама — окаменевшие дионисии, и Мандельштаму остаётся свершить самое простое, а именно довообразить исполинское сверхтело, сочленённое из сотен людей, поглощённых своей испуганной мессой: застывший физиологический процесс даёт возможность Мандельштаму представить «чудовищный» образ Бога, доступного как сверстникам Эсхила, так и ненароком обращённым в христианство франкским зодчим с берегов Сены. Столь необычная *ταδεία*, превратившая Мандельштама в эллинизированного русского стихотворца, подталкивает его к единственно возможному решению — воспроизвести по-своему, пером, монумент с острова Ситэ: «Но чем внимательней, твердыня *Notre Dame*, / Я изучал твои чудовищные рёбра, — / Тем чаще думал я: из тяжести недоброй / И я когда-нибудь прекрасное создам» [21, с. 80], — «чудовищное» прозы «Утра акмеизма» [21, с. 179] восстаёт в рифме. А функции «разгульного» монстра-Диониса — этого, если верить

ницшевским лекциям 1875-76 гг., благодетельного для поэтов до-аполлоновского зверя-музагета [22, S. 53], определены Мандельштамом чётко: Бог подвигает стихотворцев на «прекрасное» — этот мимесис древних и подчас только частично охватываемых разумом мистерий, делающий из Мандельштама, да и из Ницше (а он никогда не готовился на «философа» [23]), эллинистических литераторов, Словом оживляющих Гесиода с Архилохом, трансформирующих их в своих ровесников [24]. Наступил черёд модернизированного русского языка занять место наречия неодионисического культа, утверждает Мандельштам (в работе, чьё берлинское название — «О внутреннем эллинизме в русской литературе» [25]): «Русский язык — язык эллинистический». Однако, как без Еврипида не могло быть Каллимаха [26], а Дионисия Галикарнасского — без Лисия или Фукидида с Демосфеном, так и русский вакхант не способен к творческому рывку от *tabula rasa*. Ему требуется не менее экстатический предтеча, «гарант» из кортежа Диониса, стоящий у истоков модернизированной русской поэзии и одновременно кровно связанный с русской аристократией. Его чётко определяет Ахматова, выдрессированная ницшеанской терминологией своего бывшего мужа: «К Пушкину у Мандельштама было какое-то небывалое, почти грозное отношение — в нём мне чудится какой-то венец сверхчеловеческого (*sic*) целомудрия» [27, с. 17] — привычная стратегия Лукриана, сирийца, чьим родным языком был арамейский [24, р. XII], но чей аттицизм поставил его над многими писателями — этническими греками [28]. Пушкин — поэт вакхический и митраический (то есть тотально неаполлонический в смысле, подразумевавшемся усопшими гуру парижской славистики, слабо разбравшимися в базовых аспектах эллинистики), — обе его ипостаси, и дневная и полуночная [29, р. 125], полны разнородного, но столь благочестивого исступления. А обожаемое Пушкина Мандельштамом — процедура обыкновеннейшая, коей подвергались творцы ранней эпохи, проникшие за завесу познания; наилучшим примером «причисления к лику языческих святых» является Софокл, чья гиппократическая деятельность жреца и создателя «Филоктета» доставила ему посмертное место героя Даксиона в пантеоне Асклепия. Именно по отношению к неистовой божественности русского Гомера выражает своё «целомудрие» Мандельштам, переформировавший своё мировоззрение на античный лад и помнящий, как аполлоническая муза, открывающая «Одиссею» [30], метаморфозирована Пушкиным в музу-менаду, соучастницу дионисий его молодости, точно поэт в своём романе об «аристократке-Онеге» предчувствовал базельские семинары Ницше о Бромии-музагете: «Я музу резвую привёл / На шум пиров и буйных споров [...] И к ним в безумные пиры / Она несла свои дары / И как вакханочка резвилась, / За чашей пела для гостей...» [31, с. 315], другими словами, Пушкин для Мандельштама — эпический поэт, пронизанный молнией аттической трагедии — русскоязычный гомерид, знакомый и с «Орестеей».

Солярный — одновременно полуденный и полуночный — культ Ницше и Пушкина, свойственен эллинскому мышлению, «разделения на факультеты» не приемлющему: философия от поэзии неотделима. Посему, как в митраизме Гелиос — видимая ипостась Бога, так и мандельштамовский Пушкин — русскоязычный вдохновитель неизбывных ницшевских тем: Возрождения Трагедии, Сверхчеловека, Вечного Возвращения. И как бы не выражалось всегда лучезарное и ритмичное многобожие, воспитанное в нём

Ницше («П сердца» [32 язычного во названием « der Musik» осадок иуде мандельшта

Но и эт теле посту впитав стар исполненн ради пенет славие, а ху ником меж Людвигу Н кровь свяш «Aber mei ihren geeh миная о ли S. 81-82]. собственн ния в язык через изуч уже будуч училища. экзамен, щее усто лемеев, в Мандель гольных филолог следует г [«И гла своей ж а <русск wachte, « nur ein] собстве старик< череды честнос голубог облегда

Ницше («Пушкин и Скрябин — два превращения одного солнца, два перебоя одного сердца» [32]), Мандельштам не способен спрятать от посвящённых своего немецкоязычного воспитателя, прорывающегося несколькими страницами ниже изначальным названием «бытия» ницшевской «библии» «Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik» [33, S. 7]: «Дух греческой трагедии проснулся в музыке» [32, с. 204] — осадок иудейства, запрещающего именовать Бога, а также индикатор превосходства мандельштамовского благоговения перед Ницше над целомудрием его пушкиномании.

Но и этого недостаточно Мандельштаму. Он жаждет пережить в собственном теле поступательную апостасию Фридрихом Ницше иудее-христианства. А потому, впитав старофранцузский в Париже и в Гейдельберге, — возвратившись в Россию, исполненный двумя живыми λόγος'ами творчества Ницше, Мандельштам выбирает, ради пенетрации Петербургского университета, не главенствующее в империи православие, а христианскую секту предков своего воспитателя. Лютер становится посредником меж Дионисом и Мандельштамом, принявшим в 1911 году веру пастора Карла Людвига Ницше, постоянно появляющегося в произведениях философа, — жреческая кровь священника из Рёккена течёт в венах Заратустры, заявляет перс своим ученикам: «Aber mein Blut ist mit dem ihren verwandt; und ich will mein Blut auch noch in dem ihren geehrt wissen» [33, S. 117], да и сам Ницше не в силах скрыть восхищения, вспоминая о личном участии в церковной службе своего дяди с материнской стороны [34, S. 81–82]. А свершив родной Фридриху Ницше обряд, Мандельштам прибегает, конечно, собственными, любительскими способами, к ницшевской методике самоформирования в язычника эллинистической поры. Он обращается в эллинизированного варвара через изучение древнегреческого языка, приходя к этому а *contrario*: сопротивляясь, уже будучи молодым мужчиной, ущербности «передовой педагогики» Тенишевского училища. Выбрав филологический факультет, Мандельштам высмеял академический экзамен, готовясь к нему с Мочульским — поэтическое диссидентство, подрывающее устои религии прогрессизма, нашедшей прибежище, со времён Мусейона Птолемея, в Университете, которого бы без Вакха не существовало; сатирическая драма Мандельштама, венчающая процесс трагической метаморфозы, звучит так: «И глагольных окончаний колокол / Мне вдали указывает путь, / Чтобы в келье скромного филолога / От моих печалей отдохнуть. / Забываю тягости и горести, / И меня преследует вопрос: / Приращенье нужно ли в аористе / И какой залог “пепайдевкос”?» [«И глагольных окончаний колокол...», с. 155] Итак, вступая в третье десятилетие своей жизни, Мандельштам перестал телесно быть евреем, его тело сделало выбор, а <русское> Слово послушно последовало за пробудившейся плотью: «Aber der Erwachte, der Wissende sagt: Leib bin ich ganz und gar, und Nichts ausserdem; und Seele ist nur ein Wort für ein Etwas am Leibe.» [33, S. 39] Теперь Мандельштам-расист творит собственную генеалогию. Образ однажды увиденного им деда — «голубоглаз<ого> старик<а> в ермолке» [4, с. 68] — даёт Мандельштаму толчок для домысливания целой череды собственных, арийских, только перешедших в иудаизм пращуров: «Для еврея честность — это мудрость и почти святость. Чем дальше по поколениям этих суровых голубоглазых стариков, тем честнее и суровее» [4, с. 69]. Мандельштам сознательно облегчает себе индо-арийскую прижизненную реинкарнацию, точно умоляет Загрея,

вского зверя-стихотворцев хватываемых никогда не го-оживляющих иступил черёд еского культа, реннем элли-сий». Однако, сского — без творческому «гарант» из ии и одновре-нет Ахматова, «К Пушкину — в нём мне — привычная р. XII], но чей ии [28]. Пуш-кий в смысле, биравшимися луночная [29, божевление ались творцы ричисления к ьность жреца на в пантеоне Гомера выра-воззрение на диссею» [30], го молодости, базельские се-ров и буйных к вакханочка , Пушкин для трагедии — ге и Пушкина, риемлющему: идная ипос-тель неизбыв-Возвращения. итанное в нём

выставляя напоказ голубоглазого, — сиречь соответствующего общепринятым, а также будущим национал-социалистическим канонам, — предка-арийца (и в душе сожалея, что сам не дотянул до признанной нормы): «Я свой! Возьми меня назад!»

Этому духовно-расовому контрасту «арийца» с «семитом» также научил Мандельштама Ницше в тех строках своих трудов, которые с шизофреническим упрямством отказываются видеть современные, исполненные ужаса перед гипотетическим обвинением в ереси «учёные», эти носители комплекса «Держиморды в себе», — ужаса, из-за которого почти весь девятый параграф «Рождения трагедии» исчез из университетских монографий послевоенной поры. Ввиду того, что современные «философы» Ницше не читают, а немецким языком владеют редко, процитирую некоторые из запретных фраз по-русски: «Сказание о Прометее — исконная собственность всей семьи арийских народов и документ, свидетельствующий об их одарённости сознанием глубокомысленно-трагического, и даже не лишено вероятности, что этот миф имеет для определения сущности всего арийского мира такое же характерное значение, как миф о грехопадении для всего семитического, и что оба мифа находятся между собой в той же степени родства, как и брат с сестрой» [36, с. 91], а ежели и этого не достаточно, приведу ещё пару строк-невидимок (абсолютно нормальных в Петербурге, — а затем и Петрограде, — в Базеле с Лейпцигом до второй половины 40-х гг. прошлого века, а в Париже, напомним, для известного экс-секретаря Ламартина, сам Бахус — арийского происхождения [37, р. 6]): «Так, арийцы представляют себе грех как мужа, семиты — вину как женщину...» [36, с. 92]

Summa summagum, нынешний профессор уже не «журналист — мотылёк» двадцатого параграфа процитированного труда [37, S. 130], он — деспотический цензор (каких не знал и сталинский режим) не только Ницше, но и доброго европейца Мандельштама, призывающего к прекращению начатой ещё в 1870 г. антигерманской бойни: «А я пою вино времён — / Источник речи италийской — / И в колыбели праарийской (sic) / Славянский и германский лён!» [«Зверинец», с. 119] — глубочайший из заветов Ницше о примирении славян и германцев, единственно возможном при условии их возвращения в лоно экстатического язычества, провозглашается Мандельштамом темой своего поэтического апостольства. И Мандельштам, воспитанный Ницше, знает: Якха-Одина следует искать у истоков арийской расы, к которой он и сам не прочь принадлежать.

Теперь Мандельштам располагает строго очерченным, впаянным в плоть *Limes*'ом, чтобы пестовать своё брахманское созидание, не достигаемое, как ему кажется в начале десятых годов, осквернению. Четыре рубежа его касты — Бромий, Ницше, Пушкин, а также эллинизированный русский *λόγος*, невыносимый вскоре пришедшей к власти чандале, под чьим напором Мандельштам вынужден будет беспрестанно отступать, стараясь отстоять хоть пядь незапятнанной брахманской территории; ибо цель ницшевского учения одна: став эллинизированным вакхическим язычником и впитав сверхевропейскую мудрость высшей касты, направить свои стопы к мифической Индии — влиться в возвращающийся на аттическую сцену кортеж Диониса: «Jetzt wagt es nur, tragische Menschen zu sein: denn ihr sollt erlöst werden. Ihr sollt den dionysischen Festzug von Indien nach Griechenland geleiten! Rüstet euch zu hartem Streite, aber glaubt

an die Wu-
ne дотяну-
ющее: по-
скрываю-
лоск — п-
в себе —

Более
сался к ча-
[39, с. 112
Ницше. И
рабов, гр-
трагически
восстанов-
ния, ибо
тился в д-
чандале,
мессы, ж-

Но та-
шефство-
Манделы-

В окт-
его творч-
«вакхиче-
двадцать
вроде Бр-
посвящён
Юный М-
поэзии; и
радских
«О приф-
с. 217], п-
ров» Ма-
дошедши
и заброш-
ных и не-
придут н-
Они раст-
их уста
пожар —
плач! // /
ным. / М-
констати-
хмелем и

an die Wunder eures Gottes!» [38, S. 132] — до этой стадии апостольства Мандельштам не дотянул; скорее всего, воспитание Мандельштама помешало ему осмыслить следующее: подлинный ницшеанец есть «варвар» (в современном понимании термина), скрывающийся под скорлупой дендизма, а оба его уровня — и начинка, и внешний лоск — по-звериному честны. Но Мандельштам попытался выдрессировать бестию в себе — и погиб.

Более того, всякий раз, когда Мандельштам, объятый жаждой выживания, прикасался к чандале, например восславляя воплощённый венец сократической диалектики [39, с. 112–114], тетива его лука провисала — Дионис бросал недостойного преемника Ницше. И напротив, стоило отступнику преступно отдалиться от новоалександрийских рабов, граждан СССР, приблизившись к центру им созданного хрупкого космоса, как трагический гений опять звучал с его страниц: Бог возвращался к нему. Естественно, восстановлением напряжения струны Мандельштам удесятерил риск своего уничтожения, ибо посредством долголетней активной апостасии иудее-христианства он превратился в другое, удревнённое, надчеловеческое существо, инстинктивно невыносимое чандале, к которой, — увеличивая опасность! — ради традиционной вакхической мессы, жрец-Мандельштам поворачивался спиной.

Но так как же всё-таки случилось, что именно Ницше, а не кто-либо другой, взял шефство над языческим преобразованием Мандельштама? И когда конкретно Мандельштам впервые допустил Ницше в свою поэзию? Я отвечу и на эти вопросы.

В октябре 1905 г. Гумилёв, поэт-ницшеанец, поддержавший Мандельштама в начале его творческой карьеры, близкий Мандельштаму и в России, и во время парижских «вакхических штудий» (закланый затем сократической тиранией день в день через двадцать один год после смерти Ницше), публикует сразу замеченный критиками, вроде Брюсова [40, с. 350–351] сборник «Путь Конквистадоров», чей третий стих посвящён «откровению» ницшевской «библии»: «Песнь Заратустры» [41, с. 24–25]. Юный Мандельштам, конечно, не мог пропустить этого ницшеанского события русской поэзии; и десять месяцев спустя после убийства Гумилёва, он, провоцируя петроградских власть предержащих, украшает обложку напечатанной в Харькове брошюры «О природе слова» эпиграфом из «Слова» своего старшего брата-ницшеанца [42, с. 217], познакомившего его с Заратустрой. Вскоре после выхода «Пути Конквистадоров» Мандельштам сочиняет стихотворение, расцененное издателями как его первый дошедший до нас творческий опыт. Цитирую текст полностью: «Среди лесов, унылых и заброшенных, / Пусть остаётся хлеб в полях нескошенным! / Мы ждем гостей незваных и непрошенных, / Мы ждем гостей! // Пускай гниют колосья перезрелые! / Они придут на нивы пожелтые, / И не сносить вам, честные и смелые, / Своих голов! // Они растопчут нивы золотистые, / Они разроют кладбище тенистое, / Потом развяжет их уста нечистые / Кровавый хмель! // Они ворвутся в избы почернелые, / Зажгут пожар — хмельные, озверелые... / Не остановят их седины старца белые, / Ни детский плач! // Среди лесов, унылых и заброшенных, / Мы оставляем хлеб в полях нескошенным. / Мы ждем гостей незваных и непрошенных, / Своих детей!» [43, с. 31]. Можно констатировать, в 1906 г. Мандельштам пишет о своих «гостях», объятых кровавым хмелем и надчеловеческим бешенством, истинных вакхантах, — являющихся к тому же

нятым, а также
душе сожалел,
ид!»
лучил Мандель-
шим упрямством
лическим обви-
ебе», — ужаса,
счез из универ-
нные «филосо-
ю некоторые из
твенность всей
ности сознанием
т миф имеет для
значение, как миф
жду собой в той
о не достаточно,
бурге, — а затем
прошлого века,
хус — арийского
мужа, семиты —
мотылёк» двад-
гический цензор
ропейца Мадель-
рманской бойни:
бели праарийской
бочайший из заве-
ном при условии
Мандельштамом
нный Ницше, зна-
он и сам не прочь
м в плоть Limes'ом,
ту кажется в начале
и, Ницше, Пушкин,
пришедшей к влас-
спрестанно отсту-
ритории; ибо цель
язычником и впитав
к мифической Ин-
иониса: «Jetzt wagt
llt den dionysischen
n Streite, aber glaubt

его «детьми», — претензия на отцовство, заметим, достаточно ранняя: поэту не более пятнадцати. Чтобы понять первый стих Мандельштама, нужно обратиться к заключительной части поэмы другого автора — «Так говорил Заратустра», — а именно изучить описание демиургической мистерии перса, его попытку создания сверх-андрогина [44], Высшего Человека, которым в конце концов пророк остаётся не особо доволен. Слишком уж несовершенно это существо по сравнению со Сверхчеловеком, кстати, так и не представленным читателю. Некоторые из Высших Людей, выздоравливающих от убогости человечества, сами напрашиваются, пользуясь любопытством пророка, к нему в «гости», они «незванные и непрошенные». Прочитав «Заратустру» в переводе Антоновского, чтобы российскому читателю сразу стало ясно откуда взялись жестокие «гости», а главное — «дети» Мандельштама: «Позволь мне быть твоим гостем, о Заратустра, на одну только ночь!» [45, с. 189] Однако, собрав неспаянные части высшего тела, и выказав радушие горца: «О желанные гости мои, вы, странные люди...» [45, с. 204], Заратустра добавляет: «...неужели вы ещё ничего не слышали о детях моих? И что они находятся на пути ко мне?» [45, с. 204] А поняв знамение, ниспосланное им самим, Ницше выделяет курсивом факт приближения Сверхчеловека: «*Дети мои близко, мои дети...*» (курсив Ницше) [45, с. 236] Вот откуда они, эти «гости» и «дети» почти подростка Мандельштама, понимающего, чующего, что без неоязыческого энтузиазма высших существ «леса», обиталища Диониса [46], останутся «уныл<ыми> и заброшенны<ми>», да и «сухая ипостась Вакха» [47], Деметра, утерявшая интерес к ничтожному, образумленному человечеству, безразлична к гниющим колосьям.

Отныне смело можно подвести итог: сверхчеловеческий Big Bang, созданный Фридрихом Ницше, пробудил Мандельштама к творчеству, вырвал его из хаоса иудейского, переименовав его в языческого спутника Вакха, наделил отпрыска гетто — непрости- тельным для чандалы — мужеством к *vivere risolutamente*.

Литература

1. «Mein ganzer Zarathustra ist ein Dithyrambus auf die Einsamkeit...»: Friedrich Nietzsche. Ecce homo in KSA, Berlin — New York, Walter de Gruyter, 1989, Band 6, S. 272.
2. Friedrich Nietzsche. Götzen-Dämmerung, op. cit., S. 160.
3. «Wen hasse ich unter dem Gesindel von Heute am besten? Das Socialistes-Gesindel, die Tschandala-Apostel, die den Instinkt, die Lust, das Genügsamkeits-Gefühl des Arbeiters mit seinem kleinen Sein untergraben, — die ihn neidisch machen, die ihn Rache lehren (...). Der Anarchist und der Christ sind Einer Herkunft...»: Friedrich Nietzsche. Ecce homo, op. cit., S. 244.
4. *Осип Мандельштам. Шум времени* // Собр. соч. В 4 т., М., Терра-Терра, 1991. Т. 2.
5. См. Анатолий Ливри. Физиология Сверхчеловека. СПб., Алетейя, 2011, 310 с.; Anatoly Livry. Thèse de doctorat de Anatoly LIVRY, Nietzsche et Nabokov, Lille, ANRT, 2014, 332 p.; Anatoly Livry. Le Surhomme de Nabokov. Einige werden posthum geboren, Walter de Gruyter Verlag, Berlin-New York, 2012, p. 347–358; Анатолий Ливри, Сверхчеловек Набокова. // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. М., Экон-Информ, 2011, с. 215–223 и проч.

6. Мои кон
Европы и А
циальном н
полное нез
ни на минут
Чехов. Пала
7. Фридрих
томах, М., Л
8. Friedrich
9. Friedrich
1884, «An
Walter de G
10. Моя кр
верситете I
Loxias, Nic
ка Фюмаро
pour l'étudi
à Nietzsche
тогдаш окл
«un courtri
de M. LIVI
феномен, в
ответстве
с тем более
порыве мь
Тем не ме
высшего о
объявленн
вскоре по
сями, — в
попытали
Каллимах
11. См. I
Köselitz ir
12. «Abe
zu Hause
Friedrich I
13. Fried
14. Лев T
15. См. I
16. Vlad
17. Ocur
T. 1.

6. Мои конференции выявили любопытный факт: большинство профессоров-славистов Европы и Америки, оказывается, никогда не слышали о «Царстве Польском» — официальном названии этой западной части Российской империи, показывая тем самым полное незнание не только истории, но и ... русской классики: «... он, не переставая ни на минуту, рассказывал о своих поездках по Кавказу и Царству Польскому»: Антон Чехов. Палата № 6. Собр. соч. В 12 т., М., 1985. Т. 8, с. 71.
7. Фридрих Ницше. О Пользе и вреде истории для жизни в Собрании сочинений в двух томах, М., Мысль, 1990, перевод Якова Бермана. Т. 1.
8. Friedrich Nietzsche. Also sprach Zarathustra, op. cit., Band 4.
9. Friedrich Nietzsche. Sämtliche Briefe Kritische Studienausgabe, Januar 1880 — Dezember 1884, «An Erwin Rohde in Tübingen». Nizza, 22 Februar 1884, Berlin — New York, Walter de Gruyter, 1986, Band 6.
10. Моя краткая французская статья о Мандельштаме и Дионисе, изданная в Университете Ниццы-Sophia Antipolis (*Anatoly Livry. Mandelstam, disciple de Zarathoustra. Loxias, Nice-Sophia Antipolis, novembre 2012*) вызвала одобрительную реакцию Марка Фюмароли из Французской Академии: «Cher Monsieur, Merci pour votre lettre et pour l'étude sur Mandelstam, où vous tracez une ligne directe et méconnue de Boileau à Nietzsche, en passant par le pseudo-Longin!» (Marc Fumaroli, le 12 décembre 2012), тотчас оклеветанного функционером Министерства высшего образования Франции «un courriel de Marc Fumaroli, dans lequel ce dernier botte en touche et refuse un article de M. LIVRY» (Gérard Raulet, le 11 juin 2013, *Rapport du CNU*) — психопатический феномен, который Ренэ Герра проанализировал так: «Но чем менее объект зависти соответствует генеральной линии сегодняшней Франции, взявшей курс на «упрощение», с тем более лёгким сердцем университетский функционер растворится в убийственном порыве мычащего коллектива».
- Тем не менее я считаю предпочтительным представлять мои работы в Министерство высшего образования Франции. В противном случае, мои опубликованные открытия, объявленные «неинтересными», а значит «несуществующими» в системных рамках, вскоре появятся переписанные университетскими служащими и изданные с их подписями, — как прежде французские функционеры Министерства высшего образования попытались украсть среди бела дня мои открытия в творчестве Барреса, Булгакова, Каллимаха, Клоделя, Набокова, Ницше, Пушкина, Тургенева, Эсхила, Юлиана, ...
11. См. Friedrich Nietzsche. Sämtliche Briefe Kritische Studienausgabe, «An Heinrich Köselitz in Berlin», Turin, den 14. Oktober 1888, op. cit., Band 8.
12. «Aber nun lasst mir die Kinderstube, meine eigne Höhle, wo heute alle Kinderei zu Hause ist. Kühlt hier draussen euren heissen Kinder-Übermuth und Herzenslärm ab!»: Friedrich Nietzsche, Also sprach Zarathustra, op. cit., S. 393, разрядка Ницше.
13. Friedrich Nietzsche. Ecce homo, op. cit., S. 301, разрядка Ницше.
14. Лев Толстой. Полное собр. соч., М., 1952. Т. 54.
15. См. Anatoly Livry. Nabokov le nietzschéen, P., Hermann, 2010, 298 p.
16. Vladimir Nabokov. Pnin, Cambridge, Bentley Publishers, 1982.
17. Осип Мандельштам, Джек Лондон / Собр. соч. В 4 т., М., Арт-бизнес-Центр, 1993. Т. 1.

няя: поэту не более
ратиться к заключи-
— а именно изучить
ия сверх-андрогина
я не особо доволен.
хчеловеком, кстати,
выздоровливающих
пытством пророка,
«Заратустру в пе-
сно откуда взялись
дь мне быть твоим
собрал неспаянные
и мои, вы, странные
ничего не слышали
] А поняв знамение,
ижения Сверхчело-
36] Вот откуда они,
ощего, чующего, что
лица Диониса [46],
ась Вакха» [47], Де-
честву, безразлична

ng, созданный Фрид-
из хаоса иудейского,
гетто — непрости-

...»: Friedrich Nietzsche.
Band 6, S. 272.

s Socialistes-Gesindel,
s-Gefühl des Arbeiters
die ihn Rache lehren
drich Nietzsche. Ecce

ерра-Terra, 1991. Т. 2.
я, 2011, 310 с.; Anatoly
iv, Lille, ANRT, 2014,
sthum geboren, Walter
Ливри, Сверхчеловек
я. М., Экон-Информ,

18. Friedrich Nietzsche. Menschliches, Allzumenschliches I, 194, op. cit., Band 2.
19. «Im Grunde ist es eine kleine Anzahl älterer Franzosen zu denen ich immer wieder zurückkehre: ich glaube nur an französische Bildung und halte Alles, was sich sonst in Europa «Bildung» nennt, für Missverständniss, nicht zu reden von der deutschen Bildung [...]»: ibid.
20. Friedrich Nietzsche. Jenseits von Gut und Böse, 295, op. cit., Band 5, курсив Ницше.
21. Осип Мандельштам. Утро акмеизма, Цитир. изда., с. 179.
22. «Les Muses et Dionysos ont à l'origine des affinités beaucoup plus étroites que les Muses et Apollon : ils étaient par exemple encore adorés ensemble à Éleuthères, dans les environs d'Éleusis, à Orkhomène on disait de Dionysos disparu qu'il s'était enfui vers les Muses et se tenait caché près d'elles»: Friedrich Nietzsche. Le Service divin des Grecs, P., Éditions de L'Herne, traduit par Emmanuel Cattin, 1992.
23. См.: Anatoly Livry. L'Hélios-Roi de Claudel et le Mithra-Allah de Barrès, Jahrbuch Komparatistik, Jahrbuch der Deutschen Gesellschaft für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft, Heidelberg, Synchron Wissenschaftsverlag, 2013, S. 15–28.
24. См.: Jacques Bompaire. Lucien écrivain, imitation et création, thèse principale, Paris, E. de Boccard éditeur, 1958, 794 p., в особенности «Chapitre V: Doctrine de la Mimesis littéraire», p. 59–91.
25. См.: Осип Мандельштам. О внутреннем эллинизме в русской литературе / «Накануне», Берлин, 10 июня 1923.
26. См.: Anatoly Livry. La Hache de Lycurgue chez Callimaque, Nietzscheforschung, Berlin, Akademie Verlag, 2012, Band 19, S. 339–352.
27. Анна Ахматова. Листки из дневника..., там же, с. 17.
28. См.: Josef Delz. Lukians Kenntnis der athenischen Antiquitäten, Inaugural-Dissertation, Basel-Freiburg, Paulusdruckerei, 1950, 193 p.
29. См.: L'Empereur Julien. Sur Hélios-Roi, à Saloustios in Discours, texte établi et traduit en français par Christian Lacombrade, Paris, Les Belles Lettres, 1964.
30. См.: Гомер. Одиссея, I, 1–10.
31. Александр Сергеевич Пушкин. Евгений Онегин // Соч. В 3 т. М., 1986. Т. 2.
32. Осип Мандельштам. Скрябин и христианство, там же, с. 201.
33. См.: Mazzino Montinari. Vorbemerkung in Friedrich Nietzsche, KSA, op. cit., Band 1.
34. Friedrich Nietzsche. Also sprach Zarathustra, op. cit.
35. См.: Friedrich Nietzsche. Meine Ferienreise in Autobiographisches aus den Jahren 1856 bis 1869 // Werke in drei Bänden, München 1956, Band 3.
36. Фридрих Ницше. Рождение трагедии, там же, перевод Григория Рачинского.
37. «Origine aryenne de Bacchus»: Paul de Saint-Victor. Les deux masques : tragédie, comédie, Les Antiques, P., Calmann Lévy, 1880. Т. 1.
38. Friedrich Nietzsche. Die Geburt der Tragödie, op. cit., Band 1
39. См.: Осип Мандельштам. Ода, там же. Т. 3, с. 112–114.
40. См.: Е. Степанов. Николай Гумилёв. Хроника // Николай Гумилёв. Соч. В 3 т., М., 1991. Т. 3.
41. Николай Гумилёв. Песнь Заратустры / Пути Конквистадоров. Там же. Т. 1.
42. Осип Мандельштам. О природе слова, там же. Т. 1.

43. Осип...
44. См. с...
45. Фридрих...
46. «Les véritables...
l'exubérance...
Belles Lettres...
47. См.:...

Исследователю
затруднительно
неизбежно
В центре
источники
[3, с. 200]
ской историей
ему. Вр
это вре
Персона
mother
му — «
мифологию
с. 204]
—
для него
выходит
(красно
—
минув
творец
—
Paradise
В
мирном
в нар
© Тет

43. Осип Манделштам. Среди лесов, унылых и заброшенных, там же.
 44. См. сноску номер 5.
 45. Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра, там же, перевод Юрия Антоновского. Т. 2.
 46. «Les épithètes cultuelles qui lui [à Dionysos] sont décernés relèvent clairement le véritable caractère de son pouvoir: Endendros, Dendritès, dieu de l'arbre, Phleus, génie de l'exubérance végétale.» : Jeanne Roux, «Introduction» à Euripide, *Les Bacchantes*, P., Les Belles Lettres, 1970. Т. 1, p. 57.
 47. См.: *Euripide. Les Bacchantes*, p. 274–285, там же.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ЭПИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ
 В ПОЭМЕ ДЖ. МИЛЬТОНА «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ»**

Тетерина Е.Н.

Исследование жанра «Потерянного рая» невозможно без рассмотрения пространственно-временной организации произведения [1, с. 70–74]. Автор «Потерянного рая», задумываясь о началах того или иного явления, в главной поэме поставил вопрос «о неизбывном несовершенстве человеческой природы и его истоках» [2, с. 115].

В центре произведения — ситуация грехопадения, являющаяся «единственным источником и началом всего хорошего (и плохого. — Е.Т.) и для последующих времён» [3, с. 206]. По библейским представлениям, грехопадение произошло на заре человеческой истории, а все другие события, упоминаемые как бывшие или грядущие, подчинены ему. Время поэмы, разворачиваемое на фоне мифической эпохи первотворения, — это время «начала и «вершин», отцов и родоначальников, «первых» и «лучших». Персонажи — Адам и Ева («first fother» (IV) [4], «prime of men» (V) и «general mother» (IV)) — символы той эпохи. Эта причастность изображаемого мира прошлому — «конститутивная формальная черта эпопеи как жанра» [5, с. 204] и следствие мифологического происхождения эпоса, где «сущность совпадает с «началом» [5, с. 204]. В «Потерянном рае» колорит минувшего воссоздаётся за счёт

— использования принципа «исторической инверсии» [5, с. 206]. Характерная для него ценностно-временная превосходная степень реализуется и в отношении первых людей (мужественного Адама и «послушливой» Евы), и в отношении всех вещей (красоты Эдема) и явлений (вечная весна в Раю) эпического мира;

— насыщенности плана мифологического воспоминания, пролонгирующего давно минувшие события в «предпрошедшие» времена. Рафаил рассказывает Адаму «О сотворенье мира, о начале / Вещей, о том, что было до тебя, / До памяти твоей» (VII);

— преимущественного использования глаголов прошедшего времени: «blissful Paradise / Of God the garden was, by him in the east / Of Eden planted» (IV).

В поэме соблюдена установка произведений данного жанра на отражение всемирной (сколь бы ни был ограничен «весь мир») истории: «Эпос — это история в народной памяти» [6, с. 260]. В преступлении Адама и Евы автор находит ключ